

Изъ моихъ воспоминаній о послѣ Е. П. Новиковѣ.

Столь извѣстный въ свое время нашъ посолъ въ Вѣнѣ Евгеній Петровичъ Новиковъ, человекъ въ высокой степени корректный и аккуратный въ дѣлахъ, страдалъ, однако, однимъ недостаткомъ, который нерѣдко ставилъ его, какъ выдающагося дипломата, не только въ рискованное, но даже смѣшное положеніе, — онъ былъ то, что называется „тяжелоумомъ“.

Свои донесенія въ Петербургъ онъ писалъ, какъ въ то время было принято, на французскомъ языкѣ и когда диктовалъ ихъ своимъ секретарямъ,—онъ и самъ мучился и секретаря заставлялъ страдать. Продиктовавъ фразу, онъ безпрестанно ее мѣнялъ, зачеркивалъ слова, замѣнялъ ихъ новыми и часто совершенно искаживъ ту идею, которую первоначально хотѣлъ выразить на бумагѣ. Иногда, депеша въ четыре страницы ему стоила нѣсколько часовъ самой тяжелой работы. Однажды, послѣ неимоверныхъ усилій, окончивъ свое донесеніе и пославъ депешу въ Петербургъ, онъ ночью вспомнилъ, что между прочимъ въ этой депешѣ влѣпилъ такую фразу: *il tient maintenant le haut du bout du pavé...* Уразумѣвъ, наконецъ, досадную ошибку въ этой злополучной фразѣ, Евгеній Петровичъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ рано утромъ, на другой день послать въ Петербургъ шифрованную телеграмму, въ которой наивно сообщилъ, что въ его, наканунѣ посланной депешѣ слово „*bout*“ совершенно лишнее и просилъ это слово въ его депешѣ зачеркнуть.

Въ другой разъ съ нимъ приключился такой казусъ. Въ концѣ 1870 года знаменитый Тьеръ объѣзжалъ иностранные Дворы, просилъ у нихъ помощи и заступничества передъ Германіей для заключенія съ нею почетнаго для Франціи мира. Побывавъ въ Петербургѣ, Тьеръ оттуда пріѣхалъ и въ Вѣну. Наканунѣ своего отъѣзда изъ

Вѣны онъ поѣхалъ съ визитомъ къ Новикову. Проведя съ нимъ въ бесѣдѣ по этому жгучему для Франціи вопросу довольно продолжительное время, Тьеръ распростился и уѣхалъ съ тѣмъ, чтобы на другой день выѣхать въ Парижъ съ поѣздомъ, отходящимъ изъ Вѣны въ шесть часовъ утра. Каково же было его удивленіе, когда въ 5 часовъ утра, за часъ до отхода поѣзда, къ нему въ гостиницу является Новиковъ, который ночью, по обыкновенію, вспомнилъ, что въ его разговорѣ съ Тьеромъ наканунѣ, онъ не вполне подробно объяснилъ ему политическое положеніе Европы, и Новикову казалось вполне естественной необходимостью тотчасъ же дополнить свои соображенія о настоящемъ положеніи политическихъ дѣлъ, и вотъ Новиковъ встаетъ въ 4 часа утра и мчится къ Тьеру, котораго застаётъ за утреннимъ кофеемъ въ то время, какъ секретари укладываютъ его бумаги. Удивленному Тьеру Новиковъ объясняетъ цѣль своего визита и даетъ нѣкоторыя дополнительные разъясненія, забытыя имъ наканунѣ и въ дѣйствительности... совершенно бесполезныя, ничего не дополняющія и ничего не разъясняющія. Тогда Тьеръ обращается къ находящимся при немъ двумъ секретарямъ, господамъ Rémusat и Barthélémy de St. Hillert, и говоритъ имъ: „Посмотрите, господа, передъ вами сидитъ посолъ величайшей Державы, который всталъ сегодня въ четыре часа утра и пріѣхалъ ко мнѣ лишь для того, чтобы поставить точку на букву і (*Il est venu chez moi pour mettre un point sur un i*). Возьмите же съ него примѣръ, такъ какъ я не думаю, чтобы вы оба были способны сдѣлать то же самое“.

Ст. Ник. Митусовъ.

